

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ СМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1941–1945 ГГ.

А. Г. Ханова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Поступила в редакцию 29 мая 2020 г.

Аннотация: в статье демонстрируется отражение национальной идентичности русских эмигрантов в коллаборационистских СМИ на русском языке военного периода.

Ключевые слова: национальная идентичность, русское зарубежье, эмиграция первой волны, русскоязычные СМИ за рубежом.

Annotation: the author does not intend to give a moral assessment of the facts reflected, but only attempts to show the position of one of the many groups of Russian emigration in the conditions of the Second World War.

Keywords: national identity, Russian foreign countries, emigration of the first wave, Russian-language media abroad.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о национальной идентичности русских эмигрантов так называемой «первой волны»¹ (1918–1922) отличает сложность и многогранность. В течение практически всего XX в. в отечественной научной и публицистической литературе эта тема затрагивалась редко, поскольку само русское зарубежье рассматривалось в СССР как явление чуждое, если ли не враждебное. И если и упоминалось, то зачастую в контексте деятельности европейского Сопротивления в период Второй мировой войны, либо в рамках широко освещаемых в советских СМИ историй «возвращенцев» (из эмиграции) после ее окончания.

В постсоветское время интерес к истории русского зарубежья заметно возрос. Стало всесторонне изучаться его богатейшее наследие, неопределимый вклад в мировую культуру — преимущественно в области литературы, искусства, философии, науки. Вместе с тем в рамках исследования самого феномена русского зарубежья особый интерес вызывает выявление характера национальной идентичности среди русских эмигрантов, поскольку проживающая за рубежом большая русскоязычная диаспора первой волны — уникальный исторический, политический и культурный феномен, до сих пор в полной мере не исследованный [1; 2]. Поскольку в научной литературе нет единого толкования понятий «эт-

нос», «нация», «национальность», «национальная идентичность», в данной статье будем опираться на положения отечественной философии, в которой категория «нация» обычно трактуется как государственная, правовая, культурная общность проживающих на одной территории и говорящих на одном языке людей, разделяющих общие культурные ценности и включенных в единую систему экономических отношений [3]. Что касается категории «национальная идентичность», то вслед за сторонниками примордиализма в западной и отечественной философской науке, будем трактовать ее как разделяемую членами группы государственную и культурную общность, сложившуюся на основе единого языка, культуры, религии и пр. в условиях длительного совместного проживания на общей территории [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российских эмигрантов первой волны объединяла общая историческая родина. Зачастую она выступала едва ли не единственным связующим звеном между представителями эмигрантского сообщества. Вопреки распространенным представлениям, русская диаспора за рубежом была весьма разнородна по своему составу. В ней были представлены практически все слои российского общества — от офицеров и дворян до рабочих и крестьян. На это обстоятельство обращали внимание и русские эмигрантские газеты: «Иностранец недоумевает, сталкиваясь с эмиграцией... Эмигрант в смокинге на блестящем балу... Эмигрант умер от голода под мотом Александра III... Русский эмигрант — генерал, бросив работу и налаженную жизнь — дрался простым солдатом в армии Франко и был убит у Тируэля... Русский эмигрант присвоил себе титул графа и где-то на лазурном берегу украл бриллиантовую брошь у дамы полусвета... Эмиграция имеет несколько различных наслоений,

¹ Некоторые исследователи ставят под сомнение традиционную периодизацию русского зарубежья, поскольку отмечают, что еще задолго до 1918 г. количество россиян за границей было весьма велико. Так, к примеру, А. Ахиезер выделяет 6 волн русской эмиграции, начиная с конца XV века, Ю. Поляков — 5 волн, начиная с конца XIX века, Н. Пушкарева — 6 волн, начиная со второй четверти XIX в.

разделившись и за рубежом на классы и на группы» [5, 3]. Русская эмиграция в 1918–1920 гг. была весьма многочисленна. Всего же, согласно данным американского Красного Креста, общее количество российских эмигрантов только на 1 ноября 1920 г. составляло 2 млн. 92 тысяч человек [6]. Последним массовым исходом россиян из Советской России (до закрытия границ страны, когда эмиграцию пополняли большей частью «невозвращенцы», просившие за рубежом политического убежища) стало массовый отъезд в 1922 г. российской интеллигенции (эта операция, вошедшая в историю под собирательным названием «Философский пароход», осуществлялась не только посредством трех пароходов, но и поездов). Всего было выслано по разным данным от 160 до 225 представителей интеллигенции (университетских преподавателей, врачей, геологов, аграриев, инженеров и др.), а также членов их семей. Среди них выдающиеся российские ученые и философы, среди которых Николай Бердяев, Владимир Зворыкин, Иван Ильин, Николай Лосский, Михаил Осоргин, Питирим Сорokin, Сергей Трубецкой, Семен Франк и др.

Они в своих трудах периода эмиграции пытались осмыслить новые российские реалии, вытеснявшие прежние устои, традиции, духовные ориентиры, показать особый путь России в мировой истории, понять факторы формирования национальной идентичности. Так, философ Николай Бердяев в изданной в Париже в 1946 г. книге «Русский путь. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» объясняет: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [7, 5].

Похожие идеи высказывает в период эмиграции и другой видный русский мыслитель Иван Ильин. Но в то же время он отмечает, что для формирования идентичности заметную роль играет религиозный фактор: «Так складывались предопределение и судьба восточных славян: быть срединным народом между Европой и Азией, сдерживать натиск азиатских кочевников, переносить крайности, их господство, не утрачивая при этом себя и не изменяя своей идее, вытравливать чужеродное и впитывать его, чтобы спасти таким образом себя и европейскую культуру от новых гуннов, чтобы воспрянуть, наконец, ото сна и приняться за ткань новой своей, скорее византийской, чем с римским налетом, культуры и тем самым создать вдохновенную по-древнегречески волнующую христианскую, восточно-славянскую культуру»

[8, 476]. Именно благодаря своей православной сущности Россия может поделиться с другими народами, согласно Ильину, «началом духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви, которой им недостает, и которая составляет как бы самый воздух, или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры» [9, 477].

На самом деле, православная вера выступала одним из ключевых факторов русской национальной идентичности. За рубежом храмы, построенные на средства российских эмигрантов первой волны, являлись центрами притяжения и отчасти отражения национальной идентичности их прихожан. Однако этот фактор не стал решающим в ситуации политического выбора эмигрантов в период Второй мировой войны, когда большая русскоязычная общность свою национальную идентичность стала ощущать и демонстрировать по-разному, окончательно разделившись на два противоборствующих лагеря. Одни с большим воодушевлением приняли планы Адольфа Гитлера по отношению к СССР, поскольку надеялись вернуться на родину после падения большевистского режима, другие, будучи не менее непримиримы к большевикам, решительно выступили против оккупации.

В рамках данного исследования нас интересует отражение национального самосознания и национальной идентичности той части российской эмиграции, которая выступила на стороне фашистской Германии [2]. Причем речь идет о ясной и бескомпромиссной позиции (даже в случаях, когда она направлялась невидимой рукой опытных пропагандистов или была трагическим заблуждением), а не попытках со стороны российских эмигрантов получить определенные сиюминутные блага от господствующего режима (в данном случае речь о свободе личного выбора, а не факторах идентичности).

Несмотря на ограниченность источниковой базы, а именно русскоязычных зарубежных СМИ периода Второй мировой войны, общая картина в рамках исследуемой темы весьма очевидна. Задолго до нападения Германии на Советский Союз и затем в период войны в среде военных организаций, сплотивших бывших представителей Белой армии (Русский общевойсковой союз (РОВС) генерала П. Н. Врангеля, Национальная организация русских разведчиков (НОРР) полковника П. Н. Богдановича, Союз национальных террористов генерала А. П. Кутепова, Русская освободительная армия (РОА) генерала А. А. Власова, Объединения русских воинских союзов (ОРВС) генерал-майора Алексея фон Лампе, Русский национальный союз участников войны генерала А. В. Туркула и др.) звучали призывы к сплочению русских военных эмигрантов в борьбе против большевистского режима. Их деятельность нашла поддержку у бывших соотечественников, однако было очевидно, что успешным характер данной операции мог быть только при под-

держке военных сил иностранных государств. Поэтому неслучайно в определенных кругах русской военной эмиграции (и эмиграции в целом) вторжение Гитлера на территорию СССР было воспринято с энтузиазмом (позиция различных групп и отдельных представителей эмиграции, приветствовавших это нападение, отличалась лишь в деталях). Для многих из них это знаменовало начало нового жизненного этапа и возможности возвращения на родину после свержения советского режима, способствовавшего их изгнанию. И эти настроения нашли отражение в газетах русского зарубежья периода Великой Отечественной войны, — в тех из них, которые не были запрещены и были подконтрольны Вермахту (в Европе многие эмигрантские газеты и журналы перестали издаваться, поскольку были закрыты организации их выпускающие).

Официально издавались только лояльные нацистскому режиму газеты. Среди них — издания Русской освободительной армии, возглавляемой генералом А. А. Власовым — «Заря», «Доброволец», «Боевой путь». Их основной тезис — возможность реставрации в России монархического режима под покровительством Германии. Главный редактор изданий Милетий Зыков, будучи пропагандистом и журналистом (в СССР работал в ТАСС, в газете «Социалистическое земледелие»), играл на патриотизме русских эмигрантов, взывая к их национальному самосознанию. Для этой цели он привлекал к изданию газет идейных сотрудников, которые разделяли прогерманские настроения и были готовы всячески способствовать победе Гитлера в войне с СССР. Например, в газете «Боевой путь» в передовой статье «Все на борьбу против большевизма, за свободную Родину!» находим такое воззвание к соотечественникам: «Обращение Русского Комитета, подписанное генерал-лейтенантом Власовым, со всей ясностью открыло перед нами путь, на который должен встать каждый русский человек. Четверть века над Русским народом черная туча большевистского гнета, большевистского насилия. Русский народ боролся против этого гнета и терпел поражение в кровавой борьбе. Миллионы людей погибли в застенках ЧК и НКВД... Миллионы людей и сейчас томятся в тюрьмах и лагерях²» [10, 1].

В наиболее влиятельном и широко распространяемом (тираж — более 7000 экз.) коллаборационистском печатном издании «Новое слово» (Берлин) уже 23 июня 1941 г. в экстренном выпуске под «шапкой» «Крестовый поход против большевизма» была опубликована речь Гитлера о начале военных действий на территории СССР. А в статье «Борьба с Дьяволом» редактор издания Владимир Деспотули пылко приветствовал начало войны: «Наконец,

тем ханжам и кликушам, которые станут говорить о том, что объявленный Германией поход является походом против русского народа, походом на нашу родину, мы отвечаем, что для нас это прежде всего поход против кремлевской шайки поработителей нашего народа... Наше сердце может обливаться кровью перед теми испытаниями, которые выпали на долю многострадальных народов нашей родины, но мы твердо должны знать, что победа Германии означает уничтожение коммунистической безбожной власти» [11, 2].

«Новое слово» отличалось от других газет уровнем литературного мастерства. Ее авторами, начиная с 1933 г. и по 1944 г. были Илья Сургучёв, Иван Шмелев, Владимир Ильин, Владимир Кадашев, Борис Солоневич, Георгий Немирович-Данченко, Валентин Горянский, Всеволод Блюменталь-Тамарин и др. Поэтому и сила убеждающего воздействия публицистического творчества была велика. Тема национального самоопределения и национальной идентичности являлась в газете одной из самых заметных. В статье «О Родине и большевизме» поэта и прозаика Бориса Филлистинского она представлена особенно выразительно: «Душа нации, душа народа — в национальном сознании. В сознании своего национального единства, национального призвания, национального предназначения. А эта вера в национальное призвание и национальное единство не может опираться на учение о борьбе классов, на человеконенавистнические установки советской системы с ее натравливанием одной группы населения на другую». Автор обращает внимание на необходимость объединения всех русских людей ради освобождения родины, несмотря на отдельные разногласия: «Не кончатся тяжелые часы нашего сегодня до той поры, пока мы не осознаем... своего национального духовного единства и национального духовного предназначения... Духовная бодрость, душевное спокойствие — и мы снова обретем наше утраченное национальное единство и нашу родину» [12, 2].

Литератор Дмитрий Рудин пишет в статье «Лжецы»: «Русские люди помнят, с какой изуверской систематичностью разрушали большевики произведения старого русского зодчества в Москве и других городах. Русские люди помнят, как уничтожили большевики... памятники великим русским патриотам... В разгроме большевиками старой национальной культуры, в осквернении ими русских национальных святынь лежала злая воля, стремившаяся искоренить в массах их национальное право гордиться славными традициями прошлого» [13, 1].

Не менее страстно поддержали нападение Германии на Советский Союз многие эмигрантские казачьи объединения. 22 июня 1941 г. в Праге было создано Казачье национально-освободительное движение (КНОД), руководитель которого В. Г. Глазков в тот же день направил Гитлеру, Герингу, Риббентропу и Ней-

² Пунктуация и орфография авторов в цитируемых публикациях сохранены.

рату телеграмму следующего содержания: «Мы, казаки, отдаем себя и все наши силы в распоряжение фюрера для борьбы против нашего общего врага. Мы верим, что победоносная германская армия обеспечит нам восстановление казачьей государственности, которая будет верным сочленом держав Пакта Трех». Текст телеграммы был опубликован в печатном органе КНОД — газете «Казачий вестник» [14, 1].

Для казаков под руководством немецкого командования издавались и другие СМИ — газеты «Казачий клич», «Казачий клинок», журнал «На казачьем посту». Их идеологом был бывший царский генерал, бывший атаман Всевеликого войска Донского Петр Краснов, который никогда не скрывал своей прогерманской позиции и еще будучи в России, в мае 1918 г. просил кайзера Вильгельма II оказать давление на советскую власть и признать отделение части территории Всевеликого войска Донского от России.

Неудивительно, что в казачьих периодических изданиях вопросы национальной идентичности и особого исторического пути казаков проходили красной нитью. «Казачество издавна было самым здоровым элементом России. На протяжении многих столетий оно гордилось своей историей, традициями, укладом и обычаями. Основой для развития казачьей жизни были положены: строгая военная и общественная дисциплина, казачье самосознание, солидарность и социальная справедливость... Все эти особенности жизни казачества были неприемлемы для большевизма и его идеологии. Казачество было объявлено опасным и вредным элементом для СССР», — пишет «Казачий клинок» [15, 3].

В пражском «Морском журнале» в июле 1941 г. читаем: «Борьба немецкого народа с коммунистическим Интернационалом, начатая 22 июня, продолжается. На русских полях льется кровь немецких офицеров и солдат за освобождение русского народа от ига большевизма... Волей Божией и распоряжением Вождя и Канцлера Адольфа Гитлера нам, русским эмигрантам, 20 лет жившим за рубежом своей Родины мыслью об освобождении России от красной нечисти своими руками, этого счастья пока не дано» [16, 4].

Не менее красноречиво, но уже с взывая к исторической памяти и национальной идентичности обращался к своей аудитории «Парижский вестник». В статье одного из постоянных авторов издания Николая Давиденкова (бывшего узника НКВД) советский режим противопоставляется русскому национальному духу: «Кто говорит о русских, как о большевиках, нужно неустанно втолковывать, что не было более страшного врага у большевиков в России, чем все русское... И грандиозное разрушение московских исторических ценностей есть та же самая борьба против России... Национальное правительство не стало бы прежде всего уничтожать национальных святынь... И только когда сами русские сбросят с кремлевских башен позорные звезды наших врагов, сможем

мы сказать: «Москва снова наша, умрем же под Москвой, как наши братья умирали». И эту родную Москву будем защищать от всех врагов до последнего вздоха» [17, 2]. В другом номере этой газеты находим прямой призыв соотечественников к борьбе против большевистской власти: «Всякий, в ком осталась крупница национальных чувств, — всякий, кому дороги и жалки те ничтожные остатки, которые остались от России после “работы” большевиков, всякий, кто хочет спасти эти остатки, должен бороться против большевиков, и вместе с теми, которые стремятся их уничтожить, какой ценой ни обошлось бы России уничтожение этого гнусного режима — цена никогда не будет слишком высока» [18, 5].

В газете «Воля народа» (Берлин) также подчеркивается необходимость противопоставления интернационального и национального: «Русский народ, как и другие народы России, и при большевизме остался способным, творческим народом, и при большевизме он создавал и строил; дорогой для себя ценой, но создавал ценности. Все это должно быть сохранено. Все же те государственные мероприятия большевизма, которые тот проводил во имя укрепления своей интернациональной власти, во имя закабаления народов России, во имя уничтожения их национальной самобытности и культуры, во имя мировой пролетарской революции — должны быть уничтожены» [19, 2–3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на широкомасштабную коллаборационистскую деятельность, многим представителям эмиграции, безоговорочно поддержавших фашистский режим Гитлера и оккупацию СССР Германией, вскоре стало ясно, что их антибольшевистские и рваншистские настроения нацистские пропагандистские структуры умело использовали в своих целях. Об этом остались многочисленные свидетельства в воспоминаниях русских эмигрантов первой волны. Так, к примеру, Антон Яремчук, белогвардеец, участник Первой мировой и Гражданской войн в России в своих воспоминаниях писал: «Можно было ожидать, что война примет форму крестового похода против мирового врага — коммунизма. В то время трудно было предвидеть, что Гитлер окажется настолько тупоумным и, согласно своей книге “Майн Кампф”, пойдет завоевывать Россию, чтобы превратить многострадальный русский народ в рабов “высшей расы”!» [20, 8].

Похожее свидетельство находим и другого участника Белого движения Юрия Фон Мейера: «Многие из русских были обмануты одной фразой в речи Гитлера... Он назвал начавшуюся войну крестовым походом против коммунизма с целью освобождения народов. Многие эмигранты серьезно поверили в то, что Германия идет против большевиков без своекорыстных целей, с желанием лишь восстановить им-

манентную справедливость» [21; 93].

Выбор эмигрантов-коллаборационистов, основанный на следовании своим национальным идеалам и национальной идентичности, предопределил их дальнейшую, нередко трагическую судьбу. Они не стали своими в странах, бывших для них порой лишь временным пристанищем. И остались чужими для своей исторической родины, которую многим из них так и не суждено было увидеть вновь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская В. В. Формирование идентичности в полиэтничном образовательном пространстве: вызовы мультикультурализма и историческое сознание / В. В. Богуславская, Р. И. Хандожко // Вестник Донского государственного технического университета. — 2011. — Т. 11. — № 6 (57). — С. 901–910.
2. Богуславская В. В. Русскоязычный публичный дискурс за рубежом как инструмент национальной идентичности в глобальном мире / В. В. Богуславская, Р. И. Хандожко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 14 (263). — С. 84–92.
3. Философия науки: словарь основных терминов. — Москва, 2004.
4. Туаева К. Г. Философские основы национальной идентичности / К. Г. Туаева // Вестник университета. — 2014. — № 8. — С. 287–292.
5. Новое Слово. — 1941. — № 41.
6. Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покинул Россию / П. М. Полян // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. — Москва, 2005.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев. — Париж, 1971.
8. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М., 1996.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 7. / И. А. Ильин. — Москва, 1997.
10. Боевой путь. — 1943. — № 47.
11. Новое слово. — 1941. — № 26.
12. Новое Слово. — 1943. — № 87.
13. Новое Слово. — 1944. — № 16.
14. Казачий вестник. — 1941. — № 1.
15. Казачий клинок. — 1943. — № 17.
16. Морской журнал. — 1941. — № 145.
17. Парижский вестник. — 1943. — № 67.
18. Парижский вестник. — 1942. — № 42.
19. Воля народа. — 1945. № 7.
20. Яремчук А. П. Моя последняя — четвертая — война / А. П. Яремчук // Мемуары власовцев / Сост. А. В. Окопников. — Москва, 2011.
21. Александров К. М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного русского корпуса / К. М. Александров // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 93.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ханова А. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики

E-mail: khanova@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Khanova A. G., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations and Media Policy

E-mail: khanova@yandex.ru